

Галина
Сафонова-Пирус

Блюзы на памяти

Рассказы,
эссе, миниатюры

Галина Сафонова-Пирус

**Блюзы памяти. Рассказы,
эссе, миниатюры**

«Издательские решения»

Сафонова-Пирус Г. С.

Блюзы памяти. Рассказы, эссе, миниатюры / Г. С. Сафонова-Пирус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854827-7

В книгу вошли рассказы, эссе и миниатюры, написанные по воспоминаниям и дневниковым запискам о людях, с которыми сводила судьба. Годы — середина прошлого века и до 2013-го.

ISBN 978-5-44-854827-7

© Сафонова-Пирус Г. С.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Зачем звонит колокол	6
Надобранич, Валюся!	11
Живые ниточки	17
За Бланкой – в «клетку»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Блюзы памяти

Рассказы, эссе, миниатюры

Галина Сафонова-Пирус

© Галина Сафонова-Пирус, 2017

ISBN 978-5-4485-4827-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Зачем звонит колокол

Эту странную женщину иногда зову Мадам Энзим. А странная потому, что не хочет... или не умеет жить спокойно, да и тех, кто рядом будоражит своим чувствованием жизни и как-то сказала ей об этом, назвав катализатором, на что она, усмехнувшись, ответила:

– Тогда уж лучше зови меня не этим громоздким и длинным словом, а из терминологии моей профессии: энзим. – Удивлённым взглядом дала понять, что слышу это слово впервые, и тогда она пояснила: – Энзимы – ферменты, ускоряющие химические реакции в живых системах.

– Ну что ж, тогда, для пиццей изящности буду звать тебя Мадам Энзим.

На том и порешили.

А познакомилась с ней недавно, при турпоездке в Минск, и теперь она иногда приезжает ко мне в гости с мужем художником. Бродим в соседнем сквере или ездим в более дальнюю, еще не столь «причёсанную» рошу, где можно побродить по еще не закатанным асфальтом тропинкам, прислониться к березке, посидеть на нашем любимом валуне, оглядывая дали, раскинувшиеся за рекой. И почти каждый раз Дина выкладывает мне нечто, будоражащее и моё воображение, после чего думаю, думаю... А, может, странная и я, раз цепляюсь за её сюжетики? Но зачастую есть, есть в них нечто, ведь иначе не потянуло бы выткать из её «витальных историй», как она их называет, вот этот небольшой рассказ. Конечно, кое-что в нём не так, как у неё, – что-то опустила, что-то додумала, сплетая из её коротких реплик нить потолще, – но так ведь как без этого, если собираешься что-то поведать?

Она сварила утреннюю кашу, стала выкладывать на тарелочку и ложка зазвенела о стенки кастрюльки. «Словно трезвону, – подумала. – И Фима слышит этот трезвон, а завтракать не идет».

– Чего завтракать не идешь? – почти крикнула, чтобы долетело в его комнату.

– Ты же не приглашала, – услышала.

– А ты не слышишь, что ль... по ком звонит колокол? – вдруг вспыхнуло название романа Хемингуэя¹.

И пришел:

– Но он же не по мне звонит?... надеюсь.

– Может, и не по тебе... а по нас.

– А зачем? – усмехнулся.

– А ты как думаешь? Может, подскажешь? А то я не...

– А не хочу я думать, – прерывает, – и буду просто есть кашу.

Присели. Едят. Она:

– Ну ладно, не думай зачем звонит колокол, я сама... А что скажешь насчет того, что дети собираются зимой на лыжах кататься в Польшу, а я не советую.

– Почему?

– Они же недавно там были, пускай съездят еще куда-либо.

– Но в Польшу дешевле.

– Пусть подсобирают денег и махнут в Испанию или во Францию.

---

¹ Эрнест Хемингуэй (1899—1961) – американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года.

– Пусть и во Францию.

– А тебе уже все равно, куда им махать, – усмехнулась. – Был бы только телевизор.

– В общем-то, да.

– А вот мне еще не всё... всё равно.

– Ну и поезжай куда хочешь.

– Поехала б... да денег нет, – тренькнула ложкой по тарелке. – Да и не приглашают.

И он понимает намек, но молчит какое-то время, а потом:

– Ну и нашла бы в свое время себе богатого, чтоб приглашал, а то вышла за художника с неясной перспективой.

– Но ты же был талантлив, писал отличные картины, – сорвалась на упрек. – Я же не знала, что погасишь свой талант так скоро и что потом...

Нет, не скажет она ему о «потом», тем более, что он, ничего не ответив, доест кашу, поставит тарелку в раковину и выйдет.

А сегодня, изменив городскому скверу и роще, пригласила я мадам Энзим и Фиму съездить на участок поля, недавно купленный моим сыном и на обратном пути навестить моего знакомого, который живёт один в старой хате и пишет роман.

Моросит. Пасмурно, словно опускаются сумерки... Да, не лучшую погоду выбрал сын для знакомства со своим приобретением, но в выходные дни погоды не выбирают, да и надеялись, что через какое-то время тучи развеются, а они лишь осели и плотненько занавесили небо.

Вот уже с полчаса дворник налево, направо, смахивает дождевики, заставляя их сбиваться в ручеек и стекать на капот, за вспотевшим стеклом изредка мелькают отяжелевшие лапы елей, а потом опять, не прерываясь, серовато-коричневой полосой тянутся полегшие жухлые травы, измокшие кусты, иногда рассекаемые яркой белизной отмытых стволов берез.

Мои приглашенные посматривают в окно, расспрашивая сына, – зачем, мол, купил, что собирается делать с этим полем, – и беспокойная подруга всё предлагает варианты, а её муж каждый раз подсовывает сомнения: да нет, ничего из этого не получится... да нет, для этого надо многое добывать... да еще и неудачным затея окажется. И Дина всё пытается разбить эти сомнения, настаивая, что если даже и возникнут неудачи, то всегда при желании и упорстве можно найти «лекарство», чтобы провести «реакцию нейтрализации», но муж по-прежнему бубнит своё и, наконец, она вспыхивает, отворачивается к окну и закрывает глаза, – всё, мол, устала!

Но вот сын свернул направо, остановил машину.

– Приехали. – И взмахнул рукой: – Справа мое поле. – А когда все вышли, пошутил, улыбнувшись: – Во-он там, возле березняка, можно строить дом и жить.

Сырой, холодный ветерок сразу пополз под капюшон, начал холодить спину, но Дина с мужем захотели пройти к недалёкому березняку в конце участка, и сын повёл их туда, а я не решилась, – ветерок нагнул, пробирался уже и под легкую куртку, – и начала трусцой бегать вокруг машины, чтобы согреться и хотя бы «взором окинуть» приобретение сына. Полевая дорога тянулась вдоль сжатого поля, на котором дождик высветлил примятое колесами машин жнивье, а справа и слева темнел березняк. Отличное место! Люблю вот такое: поля, поля, а на взгорьях стайками – берёзки. Наверное, как же красиво здесь летом! Но сейчас, под моросью и настырным ветром, хотелось побыстрее нырнуть в машину и уехать, а сын всё вёл моих знакомых туда, к березняку, изредка останавливаясь и взмахивая руками.

Возвратились они минут через пятнадцать, но захотели подъехать еще и к лесочку справа.

«Зачем?» – подумалось, но села в машину. И проехали сколько-то, вышли. Возле стайки берез потоптались по ежику сжатой ржи и, наконец, вернулись к машине, сели в неё... а она и забуксовала. Стали толкать. Нет, ни-и-как!

– Может, сходить поискать трактор в соседнем поселке, чтоб вытащил? – посоветовал Ефим, вытирая грязные туфли о жнивье: – А то и надорваться можем.

Дина коротко взглянула на него, усмехнулась, но ничего не ответив, снова подошла к машине, руками упёрлась в задок. Подошли и мы, толкнули раз, еще, еще!.. Ну, слава Богу, по-оехала! Значит, через час будем дома. Но прежде хотя бы на полчаса – к Алексею.

И снова рябоватой полосой замелькали размытые контуры перелесков, скошенные поля с редкими стожками и, наконец, отсыревшие, но ставшие яркими домики пригородной деревни.

Остановились у потемневшего от дождя серовато-бурого домика с подслеповатым взглядом окон и стыдливо укрытого кроной разросшейся рябины, из которой, обмытые дождем, весело и удивленно выглядывали красные гроздья ягод. Через приоткрытую и сбитую из обрезков досок и палок калитку протиснулись во двор, остановились возле трех покосившихся ступенек, и я постучалась в дощатую дверь. Нет, не отзывается хозяин. Постучалась громче, еще громче и услышала: идет, открывает щеколду и уже стоит, опершись на палку:

– А-а, это ты! — обрадованно улыбнулся и взглянул на гостей: – Ба, да ты не одна!

По тропинке коридора, заставленного разным скарбом, пробрались к двери в хату.

– Подождите, сейчас свет вам включу, – открыл дверь Алексей и опять же, по тропинке, окаймленной бордюром из разной утвари, потянулись за ним в соседнюю комнату. Слева, возле давно немытого окна приткнулся стол с небрежно раскинутыми книгами, стопкой чистой бумаги, листами копирки и банкой супа, возле него – низкое кресло с распротёртой на нём старой шубой, перед ним – пишущая машинка с абзацем отпечатанного текста, а справа – кровать со сбитым одеялом и овчинным тулупом, на котором серым комочком свернулась кошка.

– Да вот, прибилась, – заметил мой взгляд Алексей: – Есть и еще одна с двумя котятками, приходится кормить...

Пройду, закрою ящик, в котором хозяин хранит свои пищевые запасы, накину на него подвернувшийся клочок какого-то меха, присяду, позову Дину:

– Проходи, садись на кровать, пока мы тут с Алексеем...

И она, взглянув на словно застывшую кошку, присядет, поправив одеяло, соскальзывающее на пол, а сын с её мужем так и останутся стоять в проёме двери, оглядывая «интерьер» хаты и иногда похихикивая: и для чего, мол, ему всё это барахло?... а паутина-то... ха-ха!.. и на потолке висит, и по углам!.. на что Алексей, коротко взглянув на них, усмехнётся:

– Да так... с барахлом и паутиной теплей.

И услышит от Ефима:

– Вы бы лучше со стороны улицы дыру над окном заколотили, чтоб не дуло.

– Да надо б заколотить, – тихо скажет Алексей, – но всё как-то некогда, роман время отнимает... каждый день до четырех часов утра над ним сажу.

– Ну и зря, – опять прозвучит категоричный совет: – Писать надо днём, а ночью спать.

Но на это ответа не последует, а Дина взглянет на меня, и в этом её взгляде уловлю: ну, зачем, мол, Ефим... со своими советами? Да, зачем?... подумаю и я, ведь понять Алексея ему, живущему в уютной квартире под неустанной заботой жены невозможно. И, чтобы заштриховать вдруг повисшую неудобную паузу, фальшиво оживлюсь:

– Ой, я же не представила тебе моих друзей...

И, назвав их, выну из пакета суконные ботинки и комбинезон, купленные по телефонной просьбе Алексея:

– А вот и заказ твой, писатель, принимай.

И он засветится радостью:

– Ну спасибо! Ну, угодила! – сразу станет примерять обувь. – А то те, что на мне, слегка поизносились, и приходится дырки клочками затыкать, – засмеется.

– Сходили б да купили новые, – опять не сдержится Ефим.

И Алексей, взглянув на меня, – да ладно, мол, не огорчайся из-за него, – ответит:

– А пойти купить новые уже не могу... возраст... ноги плохо подчиняются.

И опять с улыбкой начнёт разглядывать комбинезон.

– Алекс, – назову его сокращенным именем, – если комбез покажется не очень теплым, то позвони... приеду, заберу, утеплю синтепоном и зимой, в твоей продуваемой всеми ветрами хате, мороз тебе будет нипочём.

Минут через десять сын и Ефим, поторопив нас с отъездом, ушли в машину, а я, спеша договорить то, что хотелось, взглянула на Дину:

– Если хочешь, иди и ты... я еще пару минут тут, с Алексеем...

Но она останется и, взглянув на кошку, всё тем же комочком сереющую в уголке, протянет руку, чтобы погладить её, но почему-то отдернет, а потом молча будет вглядываться в Алексея, бродить взглядом по столу с листами отпечатанного текста, по полке с книгами, по непонятному скарбу в углу, но каждый раз снова и снова возвращаться к иконе Спасителя, висящей в углу и чуть заметному огоньку лампы.

Вскоре сядем в машину и мы. Сын постоит рядом с Алексеем, приобнимет его, шепнёт что-то на ухо, а когда сядет за руль, и машина развернётся, то через забрызганное окно увижу: Алексей будет стоять, опираясь на костыль и крестить нас вслед.

Вначале ехали и молчали, а потом со своего первого сиденья я услышала:

– Ну и живет же твой знакомый...

Обернулась, удивлённо взглянула:

– А что... что ты имеешь в виду?

Фыркнул презрительно, усмехнулся:

– Не хата, а берлога какая-то. Разве можно так жить? Я бы и дня не выдержал.

– А зачем тебе выдерживать? У тебя чистенькая квартира... с заботливой женой, – попыталась смягчить его агрессивный настрой.

Но он не принял моей робкой шутки и стал возмущаться, что, мол, нельзя так... надо было бы продать этот старый дом... надо было бы как-то по-другому устроиться в жизни, а не писать роман, который никому не нужен, да и вообще надо было... На все выпады мужа Дина ничего не отвечала, отвернувшись к окну и глядя через исхлётанное дождём стекло на метущиеся мокрые кусты, деревья, считаемые телеграфными столбами, но когда Ефим, успокоив себя выплеснутым недовольством, замолк, то всё так же глядя в окно тихо сказала:

– Алексея в такой обстановке только писание романа и спасает.

И я с благодарностью подумала: какая же молодец моя Мадам Энзим, что поняла Алексея... и меня.

Она сварила утреннюю кашу, стала выкладывать на тарелочки и ложка зазвенела о стенки кастрюли. «Словно трезвону, – опять подумала. – И он слышит, а не идет».

Но пришел.

– Слышал, по ком звонил колокол? – опять пошутила, усмехнувшись.

– Звон-то слышал, а вот по ком...

– А по нас он... вернее, для нас.

– Зачем? – тоже усмехнулся.

– А затем, чтобы барахтались, насколько хватит сил, искали свои «биогенные стимуляторы» и постоянно прислушивались к себе: а не смолк ли мой колокол, который...

– Какой ты устраиваешь по утрам? – опять усмехнулся Ефим, дав понять, что не хочет дальше слушать.

И она замолчала. Но как часто с ней и бывает, додумала про себя: а ведь и он мог бы не потерять себя, когда спонсоры предложили открыть салон для выставок, но отказался, испугавшись хлопот, тем самым списав себя и как художник. Так зачем же говорить ему об этом теперь?

И снова я с Мадам Энзим на взгорье нашей, еще не совсем непричёсанной роши, но сегодня над нами не серое клочковатое покрывало, сочащееся моросью, а вечерняя бирюза со слоистыми улыбающимися облаками, робко подсвеченными розоватым светом предзакатного солнца. Как же благодно сидеть на нашем валуне и видеть перед собой осенние светлоохристые заречные луга, посёлок с шапками желтеющих деревьев и церквушкой среди них, темнеющую полосу дальнего леса. И не хочется думать, а просто смотреть бы и смотреть на этот удивительный дар жизни, чтобы, сберегая в душе, потом вновь и вновь вызывать, всматриваться в эти чудные панорамы.

Но вдруг слышу:

– Ты знаешь... – и по глазам Дины понимаю, что собирается сказать нечто, её взволновавшее: – Вчера по телевизору посмотрела фильм о французском ученом Паскале²... – Подумалось: Дина, не надо бы сейчас о Паскале... но промолчала. – А утром за завтраком нечаянно вышли с Фимой на вопрос: по ком... а, вернее, зачем звонит колокол?

– И зачем же? – улыбнулась.

– Так вот, теперь знаю... Звон колокола напоминает, что если Бог создал нас по своему образу и подобию, то это значит... – Хотела встать, но снова присела. – Всю жизнь должны мы хранить не только его образ, но и крохами дел своих стремиться к его подобию, постоянно прислушиваясь: а не смолк ли мой колокол? – Замолчала, поняв, наверное, что сказанное литературно и пафосно, но не услышав меня, продолжила: – Так зачем я – о Паскале... В сорок девять лет с ним случилась апоплексия и казалось, что жизнь кончилась. Но смог вытащить себя! И увидеть вершину, на которую должен был подняться, сделав множество спасительных для человечества открытий.

И дожил до восьмидесяти, а когда умер, то на могиле люди оставили некролог: «Спасителю – от благодарного человечества». – Дина встала, сделала несколько шагов к крутому спуску взгорья, постояла там и, неспешно раскинув руки... словно пытаясь взлететь над заречными далями, сказала: – Так и знакомый твой... Алексей. – Опустила руки, обернулась ко мне: – Он и теперь слышит звон колокола, покоряя свою вершину. – И тихо добавила почти для себя: – Наверное, таким, как он, думается: а иначе и жить-то зачем?

---

² Блез Паскаль (1623—1662) – французский математик, механик, физик, литератор и философ.

Надобранич, Валюся!

Моя импульсивная подружка Валентина живёт теперь одна, – дочка вышла замуж, уехала в другой город, – и обычно навещает меня, когда её настигает очередное разочарование в какой-либо виртуальной подружке или друге. Вот и сегодня пришла печальная и, сняв куртку, вынула их сумочки флэшку, протянула мне:

– Распечатай, пожалуйста... там мой файл «Письма». А я в это время заварю для нас кофейку, что-то озябла, пока к тебе добиралась.

– Вовремя ты приехала, только-только собралась выключить компьютер... И о ком поведаешь сегодня?

Но она ничего не ответила и нырнула на кухню.

Когда я протянула ей листки с распечаткой, то она почему-то стала сворачивать их в трубочку, но заметив мой удивлённый взгляд, развернула и положила на колени:

– Знаешь, вначале не хотела тебя обременять... – И замолчала, словно и теперь не решаясь рассказывать, но всё же взяла верхний: – Под Новый год, с пометкой «Отправлено из мобильного приложения Яндекс» получила вот такое письмо: – «Спокойной ночи тебе, милое солнышко, целую крепенько, пока, Алексей». – И взглянула, улыбнулась: – Но среди моих виртуальных друзей нет Алексеев...

– И что же ты?

– А что я... Ответила ему... почти пошутив: «Получить такое нежное послание даже от незнакомца приятно. Благодарю!». И еще отослала новогоднюю открытку, а он тут же отозвался: «Ты милая, нежная, добрая девушка!»

Валюша опустила листок на колени и почему-то пригладила его.

– Надеюсь, ты, девушка... – рассмеялась я, попытавшись развеселить и её: – не стала его разочаровывать?

Но она даже не улыбнулась:

– Нет. Я сразу «открыла карты»: «Алексей, к сожалению, девушкой я была много-много лет назад, так что увы!» – Валюша взглянула на меня, ища поддержки, но увидев мою неопределённую улыбку, пояснила: – Ну... написала так в надежде, что одумается. Но не тут-то было. Утром читаю: – И снова взяла листок: – «Да ничего страшного, все хорошо. Удачного тебе дня, милое солнышко». – И наконец-то улыбнулась, будто услышала это сейчас: – Ну как было не ответить? «Благодарю, Алёшенька. Такого же дня и тебе!» А вечером опять читаю: «Надобранич, милое солнышко!».

– Ну, моя милая, принимать такие нежности неизвестно от кого...

– Да и мне подумалось: вот чудак! – перебила меня. – И зачем ему это?

– Да и тебе зачем? – опять рассмеялась.

Но она не ответила тем же, словно не услышав меня:

– А утром включаю компьютер и вижу: «Милое солнышко, поздравляю тебя с Новым годом, желаю счастья, здоровья и удач, чтобы все у тебя было хорошо, чтобы не болела. Всего тебе самого наилучшего!» И опять пришлось написать: «Алеша, с Новым и тебя! Радуйся мелочам жизни и тем, кто рядом!»

– А зачем «тем, кто рядом» написала-то?

– Да намекнула, чтобы искал себе «солнышко» среди тех, кто рядом, а он... – Помолчала, ожидая моей реплики, но не дождавшись, стала читать дальше: «Приветик! Спасибо, солнышко. Но если б ещё не бомбили, а то здесь, в Донецке, война³ ещё не закончилась и, даже

---

³ Вооружённые столкновения между ВСУ Украины и силами, подконтрольными самопровозглашённой Донецкой Народной Республикой за её столицу Донецк.

салюты и петарды запретили на Новый год, чтобы люди не подумали, что бомбят. Но сейчас тихо, а раньше весь город ходуном ходил. Прикинь, живёшь-живёшь и раз!.. Война пришла, да?».

– Ну и ну! – удивилась я. – Попала ты в историю. На такое просто нельзя было не отозваться.

– Знала, что поймешь! – наконец-то почти радостно улыбнулась Валентина. – Но понимаешь... – И притихла... а поправив листки, стала читать: «Алексей, с болью слежу за тем, что у вас происходит и очень сочувствую. Сочувствую и проклиная тех, кто затеял войну, причиняя людям столько горя! Крепитесь».

– Ну в общем-то молодец, хорошо ответила. И что же он?

– Вот что: «Спасибо, солнышко. А как ты думаешь... – И голос её задрожал, а когда взглянула на меня, в глазах мелькнули слезинки. Но, справилась и дочитала: – А как ты думаешь, могут снова начаться такие страсти или уже нет? И будут ли стрелять только из автоматов, а не из градов? Не, ну то, что постреливать будут, это я знаю, и вчера опять на окраине стреляли, но главное, чтобы город снова ходуном не ходил, чтобы снова бежать не пришлось, глаза выкупив».

Отложила листки, помолчала, потом встала, подошла к окну. Да и мне не хотелось говорить, поэтому прошла на кухню, подогрела забытый кофе, разлила по чашечкам, поставила на поднос и вернулась в зал. С листками на коленях Валентина уже сидела на диване.

– Валюш, – попробовала её успокоить, – а, может этот Алеша вовсе и не... – Но нет, не смогла соврать даже утешая, ибо по строкам писем и стилю чувствовала, что этот «адресат» – не маска. – Знаешь, мне кажется, что писал всё это молодой одинокий парнишка, которому непременно хотелось назвать кого-то «солнышком, милая». Наверное, эти слова поселились в его душе, а выпустить в полёт... некому, вот и...

– Выпустил... А долетели почему-то именно до меня, – грустно улыбнулась.

– Долетели, раз душа твоя их приняла, – подбодрила её, как бы похвалив. – И что же ты ответила этому бедняге на этот раз? Ведь на Украине, при её разваленной экономике, безработных много, а солдат более-менее кормят, вот и... Чудовищно всё это! Чудовищно, жестоко и бездумно для руководителей страны, развязавших гражданскую войну...

– А написала ему, – не услышала она моих обобщений, – что, мол, такое, как раньше, едва ли начнётся. И еще... – она снова взяла листки, полистала их: – «Надеюсь, что Новый год встретили вы в тишине, и пусть её не станут нарушать ни грады, ни автоматные очереди. Как же я желаю вам этого!» И попросила: «Пожалуйста, не называй меня „милое солнышко“, я слишком много прожила, чтобы претендовать на такие лучезарные эпитеты». А он прямо с утра опять: «Милое солнышко, как ты? Как спалось? Мне с тобой интересно. Хочешь, я тебе кое-что расскажу? В Запорожье хотят скинуть памятник Ленину⁴. В 2014 году он был одет в вышиванку, а в 2015 году в футболку сборной Украины и розу держал в перевязанной руке. Это его так одевают, чтоб не скинули те, кто хотят ночной клуб сделать на том месте, где стоит. Но скинуть Ленина это всё же лучше, чем война, так же? Лучше, чем снаряды над головами и думай, где упадут, да? Приятного отдыха тебе на сегодня, милое солнышко».

– Д-а, Валюша, – загрустила и я: – вовлёл тебя Алеша в драму. И как же ты...

– Да так, – перебила. – Снова попросила не называть меня «солнышко», согласившись только на «милую», а о памятнике...

– Поддержала, чтобы скинули «вождя всемирного пролетариата»? Ведь... – хотела снова порассуждать на эту болезную тему, но она, усмехнувшись, прервала:

---

⁴ Владимир Ленин (1870—1924) – российский революционер, глава партии большевиков (ВКП (б)), глава переворота 1917 года, основатель и руководитель СССР.

– А по мне пусть стоит. Ведь издеваться над беспомощным памятником... Что-то в этом есть, чего не принимаю.

– Так и написала ему?

– Да нет, – и взглянула коротко, – только спросила: вчера стреляли? А он: «Так и сейчас стреляют, милая, но где-то далеко. Хоть бы снова не началось. 31 декабря мимо моего дома в сторону Марьинки танк поехал. Знаешь Марьинку? 3 километра от Донецка. А там братуха мой в отряде дэнээровцев. Боюсь за него. Ведь кроме него у меня никого нету».

Валентина взглянула на меня и слезинки опять мелькнули, но спрятала их, опустив глаза к листкам и с паузами, пропуская и выбирая нужные абзацы и обозначая их «Он» или «Я», торопливо стала читать:

– «Алеша, о Марьинке слышала по ТВ, ведь каждый день по новостям слежу: как там у вас? И проклинаю Порошенко, который начал войну. Как вспомню первые бомбежки Луганска⁵, так оторопь берет. Но что же делать? Видать ума ему не хватило, да и сердца». Он: «Не помню, то ли по телевизору говорили, то ли прочитал где-то, что для того, чтобы восстановить Донецк полностью 50 лет нужно. Сейчас здесь работы почти нету, но продукты есть и люди не хотят, чтобы город был в составе Украины, потому что там правят подонки». Я: «Да-а, Алексей. А ведь можно было выслушать донбассцев и договориться! Но для этого нужно иметь ум и сердце, а такие, как Ленин и Порошенко⁶ договариваться не могут и своих оппонентов расстреливают». Он: «Так на войне они деньги зарабатывают, эти три козла, Порошенко, Турчинов⁷ и Яценюк⁸, им война выгодна». Я: «Так оно и есть. Но уверена: подавятся они этими деньгами!» Он: «Это точно. Сколько ж можно грести? И всё же, как ты думаешь, Валюса, когда война у нас закончится?» Я: «Ой, Алешенька, если зимой опять не начнут, то, может быть, к весне».

Валентина посмотрела на меня:

– А ты как думаешь?

– Трудно сказать. В ДНР должны быть выборы, может, после них что-то измениться. И на переговоры в Минске⁹ есть надежда. Да и чем воевать то? Война – «дело» дорогое, а экономика упала, из-за границ денег не дают, воровать становится нечего. В общем, как сказал их депутат Ляшко: никому, мол, Украина не нужна, как были мы папуасами, так и остались. – Но похоже, Валя не слушала меня, думая о своём, и тогда я спросила: – И чем закончилась ваша переписка?

– Подожди... – Она взяла листки и первый отложила на диван, а в остальных стала что-то выискивать: – Подожди с концом, я сейчас еще... Всю переписку читать не буду, а вот это... «Доброе утро, милая и добрая, как ты?» Я: «Как всегда. И сегодня у нас наконец-то светит солнышко, только жаль, что нет снега. А как у вас? И стреляли ль опять?» Он: «Ну да, бахали ночью. А у нас снега много, и температура минус 20. Представь, в такой мороз и воевать. Око-леть можно. Та и летом в жару до 40 градусов в танках как ездить? А мой брат Коля ездил». Я: «Воевать и в мороз, и в жару ужасно». Он: «Та прикинь, перед новым 2015 годом показывали украинских солдат и говорили, что выдали им списанную форму, да еще на несколько размеров больше, и когда положили её на огонь, она сразу загорелась, как тряпка». Я: «А в ценниках, наверное, числилась, как американская, раз в десять дороже, и деньги пошли в карманы

---

⁵ Авиаудар по зданию Луганской областной государственной администрации 2 июня 2014 года украинской авиацией и дальнейшие бомбежки сёл.

⁶ Пётр Порошенко (1965) – предприниматель и миллиардер, 5-й Президент Украины, пришедший к власти после переворота на Майдане.

⁷ Александр Турчинов (1964) – секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины.

⁸ Яценюк – (род. 1974) – премьер-министр Украины (2014—2016).

⁹ Переговоры представителей Украины, России, Франции, Германии по примирению сторон.

порошенкам-яценюкам, а воинов-украинцев гнали на убой, и они гибли за них. Бедные, бедные ребята!». Он: «Та да, Валюся».

Валентина отложила листки и теперь сидела, отвернувшись к окну, а я, глядя на неё, думала: славная моя подружка, со своим сострадательным сердцем как же часто попадаешь ты в подобные ситуации! Потом подошла к ней, взяла распечатку:

– Валюша, однако объёмная переписка у вас получилась. И всё еще...

Но она прервала:

– Нет, не «всё еще». – И взяв у меня листки, тряхнула ими: – Видишь сколько страничек? Ведь я спрашивала об обстрелах, он отвечал, так что... Вот, послушай хотя бы этот: «Пишут в интернете, что вчера во многих частях Донецка слышали выстрелы, а сегодня аэропорт обстреляли и в районе вокзала шёл бой». Я: «Алеша, из новостей знаю, что вчера было около сорока обстрелов сразу после того, как в Минске договорились о тишине. Видимо, стреляют вопреки этим соглашениям, – назло! Чудовищно это и безумно!» Он: «А как они договорились? Чтобы на всю жизнь прекратили обстрелы или потом снова Донецк будет ходуном ходить?» Я: «Пока на время, а потом еще переговоры будут». Он: «И больше весело не будет, да? А то последствия очень плохие». – Валя взяла в руку следующий листок: – Или вот это: «Привет, как дела?» Я: «Хотелось бы пожелать тебе доброго утра, но, оказывается, уже не доброе, знаю, что снова обстрелы начались. Больно, Алешенька». Он: «Да, Валюся, утро не доброе. И сейчас бахают, опять начинается песня соловья». Я: «Вчера политологи говорили: пока, до начала апреля, до решения о голосовании в Голландии по поводу принятия Украины в ЕС¹⁰, „стрелки“ притихнут, а потом опять могут начаться бои. А Европе сейчас не до Украины, там – свои проблемы. Но, Алешенька, будем надеяться!» Он: «Вчера рядом с нами умерла баба Люся от старости, ей уже 89 лет было, и она войну¹¹ прошла, да и теперь не выезжала, некуда было и под обстрелами сидела. Представь, в 88 лет и под обстрелами сидеть!» Я: «Царство небесное бабе Люсе. И впрямь, в таком возрасте и попасть под обстрелы!.. Проклинаю Порошенко и тех, кто развязал эту бойню, губя и молодых, и таких бабуль».

Ну что я могла ответить ей, кроме как взглядом – на её скорбный. Потом стала перебирать листки и на одном мелькнуло стихотворение:

Дороги, дороги, дороги!
Куда вы спешите, куда?
Дороги, дороги, дороги!
Бескрайние жизни поля,

И сколько ещё поворотов
Готовит текущий маршрут?
А дома нас любят и помнят,

А дома в нас верят и ждут.
Дороги, дороги, дороги!
Кругом – перекрестки судьбы,

Дороги, дороги, дороги!
От них никуда не уйти,

И если на сердце тревога

---

¹⁰ Европейский Союз.

¹¹ Великая Отечественная Война 1941—1945 годов.

Скажу я тебе: не грусти,

Поверь, у родного порога
Сойдутся наши пути.

Дочитала. Взглянула на Валюшу:

– Это его стихотворение?

И она улыбнулась:

– Я тоже его – об этом... Но он только повторил вот эти строчки:

И сколько ещё поворотов
Готовит текущий маршрут?
А дома нас любят и помнят,
А дома в нас верят и ждут.

И ниже, как всегда написал: «Только что опять выстрелы были слышны, и пожарная машина с сиренами мимо дома поехала в сторону Марьинки, где мой брат. Хочу сходить к нему, хотя он и не разрешает, но тебе, милый, нежный, добрый и светлый человечек, надобранич!» И прислал открытку – букет роз. Я поблагодарила его, написав, что его букет – на моём «Рабочем столе», для каждого дня, а он тут же ответил: «Умничка! Каждый день на него смотри!»

Валюшка замолчала и лицо её совсем стало похоже на горестную маску. Потом встала, вышла в коридор, и я услышала... Ну, да там, в ванной, умывалась, пытаюсь скрыть слезы.

– Валюша, ну что ты? – удивилась я. – Ведь вроде бы ничего... ничего трагического с Алешей не случилось.

Но она молча утерлась, потом прошла в зал, собрала расплзшиеся по дивану листки и взглянула на меня:

– Не случилось, говоришь?... Больше недели от него не было писем, и я подумала: ну, вот и хорошо, наверное, познакомился с девушкой и теперь... А вчера вечером включаю компьютер и читаю: «С прискорбием сообщая, что Алеша погиб. Благодарю за теплые слова моему брату, которые он слышал от вас. Николай».

– Валя! – я даже испугалась: – Как же так... вдруг? И Николай... это брат Алеши?

Валентина не ответила и, склонившись над сумочкой, нашла в ней носовой платок, утерла слезы. Потом, машинально сворачивая листки в трубочку, сказала, не глядя на меня:

– Да я тут же спросила его: «Николай, как вы узнали о моей переписке с братом?» А он ответил: «Нашел Алёшкин мобильник».

Как, чем надо было утешать Валентину... да и себя? И снова, чтобы успокоить, залепетала:

– Послушай, а может, всё же и Николай... не... а...

Но она вскинула руку, словно отстраняясь от меня:

– Нет! Я чувствую, что всё... все – правда, правда! И Алеша, и его брат Коля. Ведь могло же так быть, могло!

И снова хлынули слезы.

Иногда слова бывают неуместны, бесталанны, – бессильны. Поэтому я подошла к музыкальному центру, поставила наш любимый диск с «Эльвира Мадиган» Моцарта и...

И полилась прекрасная музыка, утешая Валюшу, меня... а, может быть, и Алешку с бабой Люсей, сопровождая их души в освобождённом парящем полёте над грешной, нечестивой Землёй.

(События и письма достоверны.)

Живые ниточки

Бедненький, так уж никому ты и не нужен? Такой милый, а выдворили. Что, так и будешь теперь ютиться в подъезде?

Это я – мягкой игрушке, маленькому серому... или белому коту в красной шляпке и голубых шортиках. Уже с неделю сиротливо и обиженно сидит он на подоконнике под таким же выселенным фикусом и каждый раз, когда начинаю подниматься на свой пятый, провожает меня грустным взглядом синих глаз, а я невольно опускаю свои, карие, и даже слегка сжимаю плечи, спеша проشمгнуть мимо, и потому, что он... нет, не он, а взгляд его похож на чей-то! Но никак не могла вспомнить «чей», а вот сегодня, когда опять проходила мимо, то мой биологический Яндекс вдруг выбросил ответ: у неё был такой, у неё!.. у Ланы со странной фамилией Ленок. Ну что ж, спасибо тебе, выселенный и никому не нужный серый... или белый котик, давай за это усыновлю тебя. Пошли...

Ну вот, выкупанный и повеселевший сидишь теперь напротив меня и, может быть,поможешь вспомнить Лану, раз так настырно подшептывал о ней... Ну да, тогда она, мой новый ассистент, появилась у нас незаметно, – главный редактор не представил её на летучке, – и она, сидя в уголке холла, лишь иногда поднимала глаза и пристально всматривалась в кого-либо, – я сразу заметила в ней это. Да и потом не раз улавливала это её потаённое вглядывание, вживание в тех, кто был рядом, и даже в вещи, предметы.

Да понимаешь, серый... нет, теперь уже белый после купанья-то, довольно скоро я поняла: не быть ей ассистентом режиссера с этой своей особенностью, – ассистент во время прямого эфира должен быть бойким и «стойким оловянным солдатиком», схватывающим на лету и исполняющим сказанное, а она... Ну как она могла тут же «воплощать замыслы» режиссера, если вдруг пленялась чем-то и зависала над ним?

А вот тебе пример. Когда во время прямого эфира по тихой связи посылала ей очередную команду, то она не всегда и слышала её, а я через смотровое стекло видела: уставилась на заикающегося выступающего и даже пытается подсказать ему что-то. Ну, а если наезжала самодеятельность для записи концерта, то Лане и вовсе становилась не до режиссера, – до конца выслушивала всех, кто подходил к ней, а если еще и с воздыханиями!.. Ну конечно, непременно надо было утешить жалобщика и тогда с лёгким дрожанием рук, стоя напротив того и готовая вот-вот расплакаться вместе с ним, уже не слышала ни просьб, ни команд... Ты только подумай, мой освежённый белый кот, ну как мне было прервать такую душевную беседу? Вот и приходилось взваливать всё на другого ассистента, а тот потом тоже жаловался... но уже начальству.

Ну, а внешность Ланы Ленок... Да в общем-то – ничего особенного: не сказать, что красива, да и некрасивой не назовёшь. Осанка? Нет, не загляденье – плоть её не кричала о себе. Высокая, худенькая и одежда как бы соскальзывало с неё, не задерживаясь ни на груди, ни на бёдрах, лишь книзу открывая довольно стройные ножки. А, впрочем, зачем я – о внешности? Я же хочу – о другом... Так вот, мой безмолвный кис, помню еще и такое: она сидит и что-то вяжет в ожидании эфира. Подхожу, сажусь рядом:

– И что мы вяжем? – улыбаюсь.

– Свитер, – отвечает сразу, словно ждала вопроса.

– И кого ж потом одаришь таким красивым свитером?

Ответит ли? Нет, только улыбнулась, хочет набрать очередную петельку и тут слышу тихое:

– Глупая, непослушная, никудышная... – Кому это она? Никого рядом нет, а она опять: – Ну что ты вытворяешь?

Ой, да это она – петельке! Ну и ну...

– Лана, ты с каждой... так? – снова улыбнулась.

– Нет, не с каждой, – хмыкнула. – Хочу вытяну её вот так... – и петля выросла на моих глазах, – а нитка по-своему хочет... мстит за что-то.

– Мстит? – уточняю.

– Ну да, ведь ниточки тоже живые, вот и...

Ла-аночка, детка, как тебе жить-то, если еще и ниточки... Но говорю:

– Да, конечно. Может, и в твоей черной нитке есть нечто, похожее на чёрную... ой, про-сти, на белую душу.

Да нет, мой пушистый, и не думала над ней подшучивать! С такими, предметно-ощущающими, шутки плохи, с ними надо бережно, как с тонким стеклянным сосудом, иначе и его разобьёшь, и сам руку... душу порежешь.

Что еще помню? А, пожалуй, вот... Надо было как-то закупить несколько вазочек для цветов... перед выступающими на столы ставить. Послала её, и что-то долго не возвращалась, а когда наконец-то!.. то я лишь руками развела, а она бережно взяла один из купленных сосудов и с блеском в глазах почти запела:

– Это я из-за неё... из-за этой прелестной и единственной, чуть не опоздала. – Я удивлённо взглянула, а она поспешила пролить свет: – Понимаете, все вазочки были одинаковые и я не сразу могла выбрать вот такую, с пупочкой.

– Лана, ну какая еще пупочка?

– А вот такая... Видите? – И, проведя пальчиком по тёмному ободку, погладила на светлом поле вазочки капельку стёкшей краски. – Правда, как пупочек?

Котик мой приёмный, ну что было ответить?.. Вот и я не ответила... правда, тоже погладила капельку-пупочку, а потом налила воды в «единственную», опустила в неё веточку гвоздики и сказала:

– Пожалуй, так она красивей будет... да еще с пупочком!

Но нет, хватит прорисовывать образ Ланы, – для карандашного, а, вернее, для словесного наброска и этого достаточно, – хочу теперь вот о чём... а, вернее, о ком.

Появился у нас вскоре и новый помощник режиссера, Серёжа Филатов и, кстати, в том самом свитере, который тогда вязала Лана. Да-да, значит, связывала их живая ниточка, да они и сами были похожи... нет, не внешне, а по мироощущениям. И о Серёжке помню больше, чем о Лане потому, что был он ну очень интересный паренёк: лицо почти всегда напряженное, взгляд беспокойный, а порой и лихорадочный, и похож... похож был на красивого щенка-подростка. Когда представили его на летучке, то как-то сразу подумалось: ну вот, подходящая пара для Ланы... и еще одна моя головная боль. В чём вскоре и убедилась.

А вот так... В студии – репетиция с танцевальным ансамблем, я – за пультом, Сережа – в наушниках у пюпитра, и вдруг по тихой связи слышу:

– Не бродить, не мять в кустах багряных лебеды и не искать следа...

– Сережа, при чём тут Есенин¹²... под эту залихватскую музыку? – Взглянул в мою сторону, но продолжил: – Со снопом волос твоих овсяных отоснилась ты мне навсегда...

Спустилась к нему в студию, а он:

– А чего ж они с такой ерундой приехали! – И подошел к танцмейстеру: – Что же вы такую чепуху показываете?

Тот, конечно, набычился и даже покраснел:

– Молодой человек, нехорошо вот так...

А Сережа, несколько не смутившись:

– Почему ж нехорошо? А если я так думаю.

---

¹² Есенин Сергей (1895—1925) – русский поэт, представитель новокрестьянской поэзии и лирики.

Вот таким курьёзным парнем оказался мой новый помощник.

А что потом... Потом нагрянули вот такие события: приехала я на работу, иду по двору телецентра, а он орёт, как оглашенный!

Да не Сережа, а котёнок, вроде тебя. И орёт, паршивец, словно его четвертуют! И кто его только подкинул к нам во двор?.. или перебросил через забор белокаменный? Длинноногий, лохматый, тощий. Взяла, принесла в кабинет, отдала ему колбасу со своего бутерброда, он её тут же слопал, а потом свернулся калачиком под батареей и сладко задремал. Но вошёл директор телецентра и сразу ошетинился: откуда, мол, животное?.. чей, мол, зверь?.. да разве не знаете, что на телецентре не должно быть животных, а то залезут в аппаратуру и замыкание произойдёт! Что было делать? Успокоила его: не успеет, мол, эта зверушка замкнуть вашу аппаратуру, унесу с собой... хотя дома уже и жил такой же, с троллейбусной остановки подобранный. Но тут вошла Лана:

– Ой, какой хорошенький! Ой, какая прелесть! – залепетала, позабыв о фотографиях, которые надо было вставить в паспорт.

– Ланочка, ну и возьми его себе, а то директор...

– А что, можно? – вспыхнула румянцем.

– Ну, конечно, – обрадовалась я и даже на радостях взялась советовать: – А назови его Васей.

– А Вася у меня уже есть, – всё так же мурлыкала моя ассистентка.

– Ну, тогда Васядва...

– И Васядва есть, и Васятри, – рассмеялась.

– Ланочка, радость моя, и сколько ж на сей день у тебя Васей?

– Восемь, – вроде бы чуть и смутилась, приглушив своё мурлыканье.

– Ну что ж... – рассудила я трезво: – В такой многолюд... многокошачьей компании одним Васей меньше, одним больше...

И после передачи сунула Лана мою длинноногую находку за пазуху и увезла домой.

Все ли события? О, нет, мой бело-пушистый, то были лишь цветочки, а ягодки показались... точно и не помню, но, кажется через неделю. Приближался Первомай и, как всегда, на наших студийных мониторах замелькали упитанные розовощекие партийные товарищи, призывающие вдохновляющими речами тружеников городов и весей к новым трудовым свершениям. В этот день попался и мне такой «товарищ». Ну, выдала пламенную речь первого секретаря Обкома комсомола прямым эфиром, спускаюсь с пульта и вижу: стоит перед ним взволнованный Сережа и что-то горячо говорит ему, а у того глаза!.. словно привидение увидел. Но к собеседникам уже спешит мой начальник, берёт секретаря под ручку и тихо, но настойчиво уводит.

– Серё-ёженька, – подхожу к своему распалённому ассистенту, – ты что?.. и ему читал Сергея Есенина?

Но оказалось, что подошёл Серёжа к главному комсомольцу области и сказал: «Что же вы врете! Только что сказали людям, что поголовье скота в колхозах растёт и увеличивается, а на самом деле коровы, телята, барашки и лошади там от голода умирают». А об этой многолетней и горестной пагубе рассказал недавно вернувшийся из командировки редактор наших «Новостей», но мы то уже привыкли к таким реалиям, а Сережа... Он же так любил лошадей! Вот и решил по случаю – главному, о том, что те, мол, «умирают».

А что потом... Я-то думала, что мой начальник, который и сам сомневался в «достижениях и очередных победах партии» пожурит Сережу, – ну, что ж ты, мол... не надо бы, мол... знай, с кем можно, а с кем... – да и всё. Ан, нет. Когда я вышла после недельного бюллетеня, то Сережи больше не увидела. Уволили. Из самого Обкома партии позвонили и приструнили начальника: в идеологической организации!.. и держите таких!?

Не встретила и Ланы, ибо подала та заявление «по собственному желанию» и его... ну, конечно же!.. тут же подмахнули, – уж очень часто жаловались мои коллеги на рассеянность ассистента Ланы Леноч, которая теперь и потянулась за связанным с ней «живою ниточкой» Сережей.

Ну что, молчальник, не устал от моих реминисценций? Нет, конечно, ведь ты же... А, впрочем, вот ведь как интересно получается: хоть ты и не живой, а чувствования и ощущения всколыхнул что ни-на-есть самые живые.

Живые ощущения, живые чувства, а вот Лана... Как-то встретила коллегу, а он и рассказал: к тому времени колония её спасённых кошек выросла аж до семнадцати, а жила она с матерью в однокомнатной квартире, и можешь себе представить, что в ней творилось?

Ну, конечно, ты не можешь, а вот я... Вначале мать почти безропотно сносила сердобольные увлечения любимой и единственной доченьки, варила лохматым пшеничную кашу с килькой, но, когда нагрязнула её сестра!.. Только на один день Лана уехала в командировку, но тётке и его хватило, чтобы позвонить куда надо. И приехали откуда надо. И отловили всех постояльцев, и увезли куда-то, а когда Лана возвратилась... Несколько дней разыскивала своих подопечных, а потом слегла с высокой температурой и умерла.

Нет, не знал collega... да и я не знаю: только ли исчезнувшие кошки были тому причиной? Но одно я постигла, дружок, вглядываясь в свои жизненные наблюдения: таких человечков с оголёнными, незащищенными душами, в «коллективах» почему-то зачастую пощипывают и понемножку, и очень, вот и Лану...

Помню и еще одну... Приехала раз на сессию в Ленинград, группу поселили в школьном классе, а в ней и оказалась такая же Лана. Вот и стали её пощипывать, хотя и бегала для всех за батонами, молоком и каждый день подметала пол. Пришлось взять под крылышко...

Да нет, не столь это обременительно, но... Как тебе сказать? Такие прирастают, не отходят и подчас становится с ними томительно. А еще, видя их вот такую расслабленность на грани прострации, порою и самой хочется...

О нет, самой не пришлось, такая роскошь не для меня. Ну, как могла позволить себе быть слабой, когда почти каждый день – моя любимая, но сумасшедшая работа, рядом – дети, муж, в очередной раз томящийся без работы из-за вечных конфликтов с партийными «товарищами», да еще так называемая дача с подрастающими овощами, а в сорока километрах – старенькая мама с братом, и надо ездить к ним на выходные, помогать... Вот и приходилось быть сильной.

Но что-то отвлеклась я от рассказа, а надо заканчивать. И закончу вот этими записями из дневника той поры, слушай:

«У Сережки слабейшие нервы. Не могу видеть его лихорадочных движений, воспаленного взгляда, – хочется обнять и, напевая что-то светлое и ласковое, навеять забвение. Яркий, колеблющийся от малейшего ветерка, огонек, светлый луч...»

«Во время упадка духа надо обращаться с собой, как с больным и, главное – ничего не предпринимать» – советует Лев Николаевич Толстой¹³. Хорошо, прислушаюсь к совету классика.

И уже смотрю на черного плюшевого кота, который стоит на приемнике: один ус – вверх, другой – вниз, зеленые глаза и хвост – в стороны. А подарил его Сережка со словами: «Не давайте никому... – и чуть дрожащей рукой протянул мне. – Он потеряет тогда свою магическую силу». Милый Сережка! Ты и сам, как этот ершистый кот, но... Но для меня – словно свежий ветерок в душный полдень, и в меня из тебя вливается свет... кажется, так у Андрея Вознесенского¹⁴?

---

¹³ Лев Толстой (1828—1910) – великий русский писатель, автор романа «Война и мир».

¹⁴ Андрей Вознесенский (1933—2010) – российский поэт, публицист.

Родственные души. Словно в себя заглядываю! А когда уходят – уходит и частица моего Я»

Да нет, мой пушистый, тогда не навсегда потеряла из виду Сережу. Какое-то время спустя, встретила его на базаре, – стоял возле лошади, запряженной в сани, трепал её гриву и кормил кусочками сахара.

– Сереж, как же я рада! – заспешила к нему: – Ну, как ты, где теперь?

А он стал рассказывать о лошадях, какие они умные да чудные животные. Я опять: о себе, мол расскажи! А он снова – о них, и только о них, а в глазах – тот самый лихорадочный блеск:

– Понимаете, ГээС, – звал меня так, – они его загнали.

– Кого, Сереж, и кто?

– Коня моего любимого... цыгане.

Попыталась отвлечь от цыган:

– Серёженька, ты о себе-то расскажи.

И тогда взглянул вдруг потемневшими глазами:

– Пусто, ГээС, пусто. Живу в таборе. Надо же чем-то заполнять пустоту?

Вот и всё, мой бессловесный дружок. И не будем больше – о грустном, ладно? Поставлю-ка свой любимый диск с «Elvira Madigan» Моцарта и попью с тобой кофейку.

Не пьешь. А жаль. Но только знай, что ты очень помог мне вспомнить Лану Ленюк. Спасибо.

За Бланкой – в «клетку»

Сейчас она войдёт и скажет: «Можно к тебе на минуточку?» Потом пройдёт в зал, сядет со своим вязаньем или папками, полными рисунков в кресло и... А, впрочем, что это я? Лучшие, начну вот так.

Когда открывала ей дверь, всегда слышала: «Можно к тебе на минуточку?» И этот её вопрос был приветствием. Потом проходила в зал, садилась в любимое кресло... моё любимое, раскрывала одну из папок и... Да нет, «долгие беседы» у нас не начинались и если мне было некогда, то она и час, и два могла просидеть в зале одна, перебирая наброски, сделанные её мужем, и я знала, что не нужна ей, что просто захотелось ей сейчас «выпорхнуть из своей клетки», – её слова, – чтобы немного оттаять от... А оттаивать она начала после того, как её муж... Нет, вначале – о Бланке.

Знаю её лет... Ну да, лет пять, и даже помню, как познакомились на собрании жильцов дома, – возвращалась с работы, а они во дворе галдели, ну и подошла к галдящим, а она оказалась возле. Еще тогда подумалось: что-то не припомню такую в нашем кооперативном дружном коллективе.

А было в её славянском лице нечто нерусское, прелестно-ускользающее и это нечто вспыхнуло еще ярче, когда на мой вопрос, – и о чём, мол, волнуется «народная стихия»? – сразу подхватила интонацию и ответила:

– Да так... Думаю, стихия просто сошлась поболтать, – и улыбнулась светло, призывно.

Потом – слово-за-слово... потом отошли в сторонку, разговорились, и оказалось: зовут её Бланкой, и потому Бланкой, что уже давным-давно её предки-поляки обрусели, оставив ей внешность и имя прабабки, что купил недавно муж Костенька, – по-другому потом его и не называла, – в нашем доме квартиру, и что он «очень, очень талантливый художник!», да и она художник, только оформитель.

Ну, а теперь, после контурного наброска портрета моей героини, – ну как же рассказывать о художнице и не прибегнуть к терминам её профессии? – постараюсь прорисовать и полутона, а помогут мне в этом наши тихие беседы и брошенные ею фразы вроде «выпорхнуть из своей клетки», за которыми я снова и снова тащила за нею со своими думками, перебирая, перетирая, переосмысливая... «пере» и «пере» их по-своему.

Ну да, муж её был талантливым художником-пейзажистом. И не только пейзажистом, были у него и наброски натюрмортов, жанровых сценок, портретов...

Да нет, не гениальных, как у Пикассо¹⁵, исполненных одной непрерывающейся линией, но глядя на Костины, сразу верилось: рисовальщиком он был отличным.

Почему был? А потому, что вскоре всё чаще стала слышать от моей подруги:

– Опять Костенька хандрит, не пишет... – и спицы или листки в её руках начинали слегка дрожать.

О, видела и я подобную хандру! Видела не раз и поэтому сразу представляла себе Костеньку, лежащим на диване и тупо смотрящим на пляшущие разноцветные картинки телевизора. Потом он встанет, – видела, видела и это! – бесцельно пройдет на кухню, постоит у плиты, может быть, заварит чай и, не допив, снова ляжет, бессмысленно уставившись на экран. Тоскливая картина... Но что было посоветовать Бланке? Нет, не знала. И всё же надо, надо было тогда – хоть что-то!.. вот и пробурчала, кивнув на папки:

– Может, тебе не стоит давать ему советы, как и что писать?

– Как это?... – захлопнула одну из них.

---

¹⁵ Пабло Пикассо (1881—1973) – испанский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер.

Что за папки?.. Ну как же, всякий раз, когда приходила, то обязательно – с этими двумя коричневыми папками, на которых были наклеены белые квадратики с буквами «G» и «B»... еще помню, спросила её, когда увидела их впервые: и что, мол, кроется под этими таинственными вензелями, а она рассмеялась:

– Да буквы эти означают «хорошо» и «плохо»... по английски, а копаюсь в набросках Костеньки потому, чтобы потом придаться к чему-либо.

– Господи, зачем?

– Ну как же, хочу, чтобы всё лучше и лучше писал свои пейзажи, а он...

– А он? – устала на неё, почти не скрывая не столько непонимания, сколько осуждения.

Но она не поняла моей интонации, и начала взхлёб разносить портретные наброски Костеньки, засыпая меня терминами и пытаясь заразить своим неприятием творческих поисков мужа-пейзажиста.

– Бланка... – попыталась остановить, – но ведь художник должен только сам... иначе...

– Нет, нет и нет! – отрезала финал моих соображений, – портреты писать ему не надо и творить только пейзажи, он – пейзажист, и только пейзажист!

Ну и ну... С тех пор и перестала ей советовать, – дело семейное, ну как можно?.. – а то еще ненароком рассорю «творческий союз».

Ну, а потом Костенька совсем перестал «творить» пейзажи и даже начал попивать, а она – ощущать себя загнанной в клетку. Ведь вышла-то за него, почти на пятнадцать лет старшего, только потому, что увидела в нём «настоящего творца, – опять же, её слова, – которому можно было служить, которому можно было что-то советовать или хотя бы просто говорить о любимой живописи, а он...» А он теперь забросил своё увлечение и оставил её ни с чем.

Да нет, не говорила она этого, но я же видела! Иначе как можно было объяснить что-то вроде застывшего непонимания и возмущения в её угасшем взгляде, который почти кричал: я же любила его за талант, я же хотела боготворить его, а он!.. он предал мою любовь, и теперь её нет... и теперь я одна, одна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.